

Анатолий Градницын г. Иркутск

Расстрел

Филиппу Быкову подфартило. Наконец-то удача улыбнулась – его взяли на работу. Наверное, за высокий рост и косую сажень в плечах. Ещё вчера он был затравленным «копачём», по сути вором, вынужденным, чтобы не протянуть ноги, копать в заброшенных штольнях мёрзлую землю, выискивая проклятые самородки, а сегодня у него появился шанс хоть на какой-то постоянный заработок и кусок хлеба.

Возле конторы Надеждинского прииска собралось человек полтора рабочих. Все молча стояли у ступенек, понуро склонив головы, ожидая, когда очередных человек пять запустят внутрь. Конторщики не торопились, и люди безропотно ждали своей участи. Всем нужна была работа.

На балкон конторы, громко хлопнув дверью, выкатился толстый обрюзгший господин в ярко начищенных хромовых сапогах, серых клетчатых брюках, чёрном пиджаке и красной косоворотке, подпоясанной кушаком. На голове у него красовался лихо заломленный картуз с лаковым козырьком.

Он пристально оглядел очередь заплывшими жиром свиными глазками и, тыча пальцем вниз, стал выкрикивать:

– Эй ты, в сером треухе, выходи вперёд! Да-да, ты. И ты, зипун, выходи. Ты, баранья башка, в папахе которая! Тебе говорю, балбес! Чего вылупился? Выходи вперёд. А теперь все в контору, шагом марш!

Толстый господин, управляющий прииском Федька Хватов, ушёл с балкона, а счастливицы побежали в контору, где их уже ждали служащие. Дверь за ними плотно закрылась.

– Повезло, – громко вздохнул кто-то в толпе.

– А очередь-то для чего? – возмутился плюгавый мужичок, – несправедливо это.

– Какая справедливость? Где ты её тут видел? – вступил в разговор измождённый мужик лет тридцати. – Ты посмотри, каких бугаёв он набрал. На них пахать можно. А на тебе что? Воду возить. А ты всё – справедливо, несправедливо... Кровопийцы тут все, – и плюнул на землю.

– Тебе у мамки титьку почаще сосать надо было да каши есть вдоволь, тогда б и тебя взяли. А так, кому ты нужен, задохлик? – попытался пошутить кто-то из задних рядов.

– Тихо, ребя! Не бузите, не то услышат, останемся ни с чем.

Дверь на балконе опять отворилась, Самохвалов привычно оглядел очередь и стал тыкать пальцем. На этот раз в числе счастливиц оказался и Филипп. В конторе ему подсунули подписать контракт на двух листочках.

– Пиши фамилию и расписывайся. Не задерживай очередь, – тараторила конторская крыса лет тридцати пяти, в нарукавниках и с гладко зализанным пробормом посередине маленькой костлявой головки. – Прочитать хочешь? Шибко грамотный, что ли? Подписывай скорее и отходи. Не на базаре. Здесь не обманут.

Филипп подписал. А что делать, думал он. Выхода нет. Да и другие подписывают ведь, не боятся. Всех-то трудно обмануть, наверное. Будь что будет.

Годом ранее. Санкт-Петербург. Барон Альфред Горацевич Гинцбург, директор-распорядитель «Лензолота», писал главному управляющему Ленских приисков И. Н. Белозёрову: «В настоящее время у нас переизбыток предложений из разных местностей империи от желающих наняться на прииски. А раз наём для известной части населения выглядит истинным благодеянием, то можно этим обстоятельством воспользоваться, чтобы понизить плату против существующей у нас сейчас, процентов на тридцать. И такая плата для голодного народа будет чем-то вроде Эльдорадо».

Филипп оказался на прииске, как и все. Завербовался у себя в Тамбове, получил сто рублей аванса и с такими же, как и он, искателями длинного рубля, под присмотром полицейских, организованной командой отправился в Бодайбо копать золотишко.

Дорога длинная была. Сначала пять суток паровозом до Иркутска. А дорогу от Иркутска до Бодайбо сутками уже не мерили. Бесплезно это. Только Бог знал, сколько времени придётся пилить эти проклятые почти тысячу восемьсот вёрст. От Иркутска до посёлка Жигалово, по тайге на лошадях – триста семьдесят вёрст. От Жигалово по Лене на пароходе плыть надо было до слияния её с рекой Витим. Это ещё тысяча с лишком вёрст. А дальше по Витиму против течения грести ещё верст триста с гаком. Вот и Бодайбо, а дальше география заканчивается. Нет ничего, кроме тайги. Ни дорог, ни деревень, ни зимовий, ни людей. Тупик.

Попал Филипп на работу на Андреевский прииск. На новом месте обустроился он, как и все. Поместили его на постой в грязный, вросший в землю, вонючий барак на полтора человека, но с электрическим освещением. Выдали робу – шаровары да тужурку – и поставили на довольствие. На часть заработанных денег давали талоны на продукты, на всякую мелочь и мыло. Отоваривать их можно было только в ларьках Ленской компании. Работа каторжная. Но обещали хороший заработок. В общем, попал в рабство. Без расчёта не уедешь.

А провинишься в чём, даже по малости, – уволят, и расчёта не увидишь. Обдерут как липку.

Ни рассуждать, ни думать здесь особенно не требовалось. Комай породу. Гни спину на господ и будь благодарен, что держат тебя на работе и не дают сдохнуть с голоду. Да ещё надейся на Бога, что повезёт тебе и найдёшь ты среди отвалов породы самородок. Золотой песочек – не в счёт. Его на фабрике из породы и без тебя достанут. А самородок – другое дело. Если удастся вынести его незаметно из шахты, то можно вполне законно заработать. Продать его в лавке «Лензолота» или у частных. У частных даже больше дают. В компании за грамм отстёгивали восемьдесят четыре копейки, а в лавке Бени Шмульца, например, отваливали целый рубль, а то и больше, если сторгуешься. Хозяева прииска смотрели на всё это сквозь пальцы. Знали прекрасно, что бороться с алчностью и хитростью желающего разбогатеть человека бесполезно, как бесполезно утолять червонцем жажду наживы у нищего. Получит он один червонец, захочет поиметь второй. После второго – третий. И так до бесконечности.

Золото одурманивало людей, отупляло до низменных страстей и заставляло горбатить как проклятых с раннего утра до ночи. Поистине дьявольской властью обладал презренный металл над людьми. Многих он сводил с ума и губил, а другие, погнавшись за его завораживающим блеском, кончали жизнь на каторге, в кандалах, в обнимку с другим, но уже вытертым до блеска металлом – с чугуном.

Филипп оказался, как ему думалось, не из их числа. По первости налегал он на кирку и лопату до упаду, до чёртиков в глазах. Но, как назло, не фартило. А потом стал он понемногу понимать, что не всё здесь так просто. И слава Богу, что не нарвался он сразу же на дьявольский металл. Иначе б нашли его суток через трое где-нибудь в отвале с проломленной башкой.

– Эй, стой, оборванец! – услышал Филипп за своей спиной, когда шёл однажды с друзьями после смены в барак.

– Стой, не то пристрелю как собаку. Держи его! – истерично завизжал кто-то сзади.

Он обернулся и увидел, как двое молодых из горнополицейской стражи пытались догнать какого-то работягу в оборванной мокрой робе. Тот улепётывал что было мочи. В руке он судорожно сжимал какую-то тряпку.

Филипп дёрнулся было в их сторону, не зная ещё, что будет делать – ловить беглеца или валить кого-нибудь из стражников. Скорее всего, бросился бы он стражнику под ноги, а потом закосил бы под дурака. Мол, не понял ничего, но хотел помочь вашему благородию. Но друзья мигом схватили его с двух сторон под локти:

– Филька, не дёргайся, стой на месте, чёрт ты окаянный, – засипел ему на ухо один из приятелей, Колька Чмырь. – Не рыпайся, без нас решится. Уйдёт он, как пить дать, уйдёт.

– Да что вы, братцы, – попробовал ещё раз дёрнуться Филипп, – помочь же надо человеку, обдерут ведь как липку.

– Не бойсь, паря, не впервой здесь такое творится. Давай-ка потихоньку отсюда литься. За угол давай, живее.

Они юркнули за угол Народного дома и притулились к стене. Мимо пробежали стражники, размахивая руками и громко вопя. Через несколько секунд всё стихло.

– Не поймали, гады. Обломились. Так им и надо, паразитам, – злорадствовал Петька Черепахин, Череп. – Не всё коту масленица, а держиморде – сливки в харю. Твою под дышло, и хрен что вышло! Выслужиться хотели и ручки свои поганые позолотить? Вот вам! Поделом, аспиды!

Филипп слушал и не понимал, почему Петька так злорадствует. Чмырь и Череп приехали в Бодайбо чуть пораньше его и уже успели осмотреться, а для него многое было в новинку.

– Да ты не дёргайся, Филька, выпусти пар, – опять засипел Колька, – убёг он, а им – фигушки с маком.

– Откуда ты знаешь? – удивился Филипп.

– Покрутишься здесь маленько, и ты насобачишься, все лазейки будешь знать. Чего

он от них драпал, думаешь? Золотишко в лавку нёс, а они его захватить хотели. Золото, понятное дело, себе, а его, если вякнет, – на три месяца в карцер. Порядки здесь такие. Запоминай, пригодится, – продолжал Колька. – Ха, ничего не вышло у козлов. Хрен вам с горькой редькой.

– Да с чего ты взял, что не догнали его? Они ведь и пальнуть могут, если не догонят.

– Просто, всё очень просто и ясно как день, – начал объяснять Колька. – Успел человек до лавки добежать и на прилавок самородок вывалить – всё, атас! Чист он после этого перед законом, как слеза младенца. Никто не имеет права его арестовать или обобрать.

– А почему так?

– Да потому, что, ежели золотишко в лавке на прилавке лежит, то оно уже не ничейное и не краденое. Компании оно теперь принадлежит. Вот так-то. А забрать его – значит ограбить компанию. Что за это бывает? Сам знаешь. Вот поэтому стражники в лавку даже не суются.

– А если они его потом на улице с деньгами подкараулят, тогда что? – полубопытствовал Филипп.

– А ничего. Тот работяга не такой дурак, чтобы с деньгами на улицу сразу выходить. Он за ними и завтра может зайти. А на улице его могут обобрать и стражники, и такие, как мы. Но эти, скорее всего, не тронут. Зачем им кипиш? Ограбили человека, забрали честно заработанные в компании деньги. Некрасиво. А на них ведь тоже иногда закон есть. Нас бояться надо.

– А если бы они его сейчас на улице схватили, тогда что? – не унимался Филипп.

– А вот тогда – тушите свет и открывайте шлюзы. Нашли, к примеру, у тебя золотишко. И сразу вопрос, а где ты его взял? Украл у компании? А где же ещё. Вот ты и попал, паря, по полной программе. Для начала три месяца карцера. А потом – на все четыре стороны. Если летом выгонят – ещё так саяк. Можно отсюда ноги унести. А зимой – голяк. Либо подыхать с голоду, потому как рассчитают так, что на жратву не хватит, либо – копачить. А накопишь если

золотца, куда ты его понесёшь? Туда же. А там тебя уже ждут. Вот так-то здесь живётся. Людишки любят золотишко, только оно их не привлекает.

– Колян, хватит бузить, – вмешался Череп, – сваливать надо, а то легавые по наши души заявятся. Пошли-ка лучше в монопольку, пропустим по чекунцу.

Годом ранее. Санкт-Петербург. Из письма барона Гинцбурга управляющему Белозёрову: «Если на приисках в результате увольнений появится лишний народ, в этом нет для вас никакого риска. При излишке рабочих вам легче будет предъявить к оставшимся более строгие требования. А присутствие лишнего народа в тайге может также содействовать понижению платы. К последней цели вам и следует стремиться всеми мерами».

Филипп неторопливо шёл от конторы Надеждинского прииска к своему балку, а в памяти постоянно всплывали картины недавнего прошлого. Как он был наивен и глуп! И как дошёл до жизни такой. Копач! Хуже него был, наверное, только доходяга-алкаш в приисковой больничке.

В заброшенных выработанных штольнях работать было не только тяжело, но и смертельно опасно. Чего стоило только спуститься в шахту на глубину метров в пятьдесят по обледенелой прогнившей деревянной лестнице. Неосторожное движение – и костей не соберёшь. Воду из штолен никто, естественно, не откачивал, и работать приходилось, стоя иногда по колено в ледяной воде. В любой момент могло придавить породой. Малейший выброс газа – и ты труп. Но куда деваться? Жить-то надо.

До этого жизнь ничего была, хоть и считался Андреевский прииск, наряду с другими самыми захудалыми, «кулёвыми шароварами». Кулёвыми – потому что бельё и рабочая одежда, которую выдавали на прииске, была сделана из старых мешков, кулей. Из отбросов. Платили мало. Был прииск не только захиревшим, но и опасным. И вот сегодня удалось Филиппу вырваться из болота и устроиться на «бархатный» Надеждинский прииск. Здесь и условия для

работы получше и роба не такая позорная, как на Андреевском. И вообще, какое совпадение! Просто чудо! Наконец-то засветилась у него надежда подняться со дна именно на Надеждинском прииске. И баба у него – тоже Надежда, Надька. Опора его надёжная. Из чалдонов она. Местная, значит. Давненько уже здесь живёт. Поговаривали люди поначалу, что мамкой она вроде бы для многих тут была и делишки кое-какие проворачивала. Да толком-то никто ничего так и не смог сказать. Слухи только ходили. Баб-то здесь мало, на всех не хватает. Вот и болтали разное мужики от зависти.

Легко притёрлись они друг к другу, и перешёл Филипп из вонючего барака к ней жить. Возле ларька балок её находился, здесь же – на Андреевском прииске. Место бойкое, народу всякого немало крутится. А она и по торговой части соображала и копейку всегда могла здесь заработать. За мужиком приглядеть, обиходить его – тоже не вопрос. А он для неё и добытчик, и хозяин в доме, и защита от любителей пошалить да поразвлечься на халявку. Вот так и зажили они душа в душу.

– Надюха! – весело заорал Филипп, вваливаясь в балок. – Мечи калачи из печи да четверть на стол тащи. Праздник у нас сегодня. Приняли меня на Надеждинский. Завтра выхожу, а сегодня гулять будем!

– Ой, Филенька, радость-то какая! Слава тебе, Господи! – запричитала Надька. – Молилась я неустанно, ночей не спала, всё переживала. Наконец-то свершилось. Услышал Бог мои молитвы. Может, полегче-то станет?

Она быстро собрала на стол, выставила штофик водки. Сама же и разлила по стаканам.

– Ну, Филенька, давай, с Богом! За нашу удачу, – сказала Надька и чокнулась с Филиппом.

Они выпили. По телу разлилось благодатное тепло. Кровь, кажется, быстрее побежала по жилам, приятно ударила по мозгам.

Филипп крикнул от удовольствия и налил ещё.

– Филенька, – сказала жалобно Надька, – ты только не буянь-то на прииске почём зря. Придержи гордыню, стерпи маленько. Ничего ты этим упырям и их прихвостням не докажешь. Себя только сгубишь.

– Не вороши старое, Надюшка. Не надо. Понял я всё, – спокойно ответил Филипп.

– Правильно, Филенька, – сказала Надежда, поднимая стакан, – а гады эти поганые пусть будут прокляты вместе с их отродьем. Отольются им наши слёзы, ой, как отольются, – добавила она, не скрывая нахлынувшей вдруг ярости.

Филипп давно уже привык к подобным разговорам и старался не придавать им особого значения. Но каждый раз в его сознании словно что-то щёлкало, и он мысленно переносился на несколько месяцев назад и заново проигрывал всё пережитое, добавляя к нему какие-то детали, выстраивая возможные варианты развития событий, ища и находя для себя оправдание своих поступков.

В обеденный перерыв, после свистка, стоял Филипп в очереди за пайкой. Тощий супчик с кониной, заправленный почерневшей капустой и примороженной картошкой, перловая каша с льняным маслом, чёрный хлеб и такого же цвета вываренный чай с ароматом веника – вот и всё, на что ежедневно расщедривалась компания.

– Не жалея харчей-то, жлоб, навали чуток поболее, – крикнул раздатчику очередной, видимо, из самых бойких, проголодавшийся к перерыву рабочий.

– Не я пайку определяю. Норма есть. А я, как и ты, человек подневольный, начальство решает, сколь насыпать, – отмахнулся раздатчик.

– А откуда у тебя тогда харя такая лощёная, не на наших ли харчах ожодался? – вступил в разговор Филипп.

– Не знаю ничего. Иди к начальству, с ним разбирайся, – отвечал раздатчик. – Давай, проходи живее, не задерживай очередь, оглоеды!

И хотя последнее оскорбительное словечко было сказано всем, а не ему одному, Филипп взорвался.

– Ах ты, крыса амбарная! Сейчас разберёмся, кто тут оглоед. Ну-ка, мужики, расступись! – крикнул он и двинулся к раздатчику.

– Правильно, поддай гаду, – послышались одобрительные возгласы из очереди. – Мы тут костями ложимся, а они мамоны себе нажирают!

– Что творится-то, братцы? Начальство дерьмом нас кормит, так ещё и пайку урезает.

– Разбираться надо. Пошли в контору!

– На кухню надо идти, по котлам пошарить. Там воруют.

Пока очередь кричала и ругалась, Филипп добрался до раздатчика и накостылял ему пару раз по загривку. Тот, не дожидаясь дальнейшего разбирательства, предпочёл без лишних слов сбежать.

Помитинговав некоторое время, рабочие всей толпой пошли в контору. Работа на прииске остановилась. Что было потом, Филиппу теперь уже не важно. Было бурное разбирательство в конторе, едва не переросшее в рукопашную схватку. На кухне в котле для рабочих нашли конскую ногу с копытом. Для навару это, оправдывались поварские. Ещё раз убедились, что для рабочих готовили из подгнивших продуктов, а для конторских – из нормальных. И много ещё чего из безобразий нашли. Да что толку? Ни к чему хорошему эта смута не привела. Закончилось всё очередными, как оказалось потом, пустыми обещаниями. Всех зачинщиков после нескольких дней бестолковых разбирательств с урядником внесли в «чёрную книгу». По чьему-то доносу в их число попал и Филипп.

А дальше всё пошло как по накатанному. Администрация стала давить ещё сильнее. Нормы выработки повысили, пайку сократили. Объяснили трудностями со снабжением и большими расстояниями. Как будто раньше всё под боком было! За малейшее нарушение, послал, к примеру, нарядчика к чёрту, – для начала предупреждение, а стал воду мутить и на жизнь жаловаться, то разговор короткий – штраф и расчёт.

Доведут до ручки такие порядки, думал тогда Филипп, что же дальше-то делать, где правду искать? До Бога высоко, до царя далеко. Управляющий – вот кто здесь царь и бог. А ещё и перед всякой мелкой сволочью, вроде урядника или смотрителя, шапку ломать надо. Что ни прыщ на ровном месте, а и тот корчит из себя министра. Давило всё это на душу, не давало спокойно жить. Даже каторжный труд не отнимал столько жизненных сил, сколько нескрываемое презрение и издевательства разношёрстных выскочек и подхалимов. Филипп едва терпел всё это, но держал себя, боялся сорваться. А тут, как назло, прихворнул. Накормили, видать, гнильём. Живот схватил. Какая тут работа, когда от отхожего места ни на шаг? Кое-как добрался до доктора, а тот спрашивает:

– Как фамилия твоя, любезный?

– Быков, – ответил Филипп.

– Так, Быков, ну-ка высунь язык, – усмехнулся доктор. – Быков, да ты здоров как бык. Иди, работай.

– Доктор, а как же я с такой нуждой копать буду? Не добегу ведь до сортира, опозорюсь.

– Какой ещё сортир? Под любой ёлкой будет тебе сортир. Не барин. Ступай.

– Доктор, – попросил Филипп, – вы мне хоть бумагу какую-нибудь дайте, что я по большой нужде у вас прохладился и работу пропустил. А то ведь заключают меня на шахте.

– Бумаг я не даю. Ступай. А чтоб животом не мучился, руки почаще мой и смотри внимательно, что жрёшь. А ещё водички выпей.

Ничего Филипп ему на это не ответил, перевернул со всего маху стол, за которым сидел доктор, ногой выбил из-под него стул, грохнул чернильницу об пол и разорвал в клочья какие-то бумажки и амбарную книгу.

За отсутствие на рабочем месте без уважительной причины его в тот же день уволили. За расчётом приходиться, сказали, когда деньги привезут. Положение на прииске становилось всё более невыносимым, ситуация медленно, но неуклонно накалялась. В воздухе витало предчувствие бунта.

(Продолжение следует)

Приятная новость для авторов!

Начиная с 6-го номера вводится объёмная скидка на экземпляры журнала:

от 1 экз. – 250 руб./шт.
от 3 экз. – 220 руб./шт.
от 5 экз. – 200 руб./шт.

Заказывайте больше, передавайте журналы в библиотеки своего региона, чтобы с вашим творчеством познакомилось как можно больше читателей!